

АЛЕКСАНДРА АННЕНСКАЯ

Брат и сестра

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А68

Анненская А.

А68 Брат и сестра / А. Анненская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 124 с. — (Жизни и судьбы).

Герои повести «Брат и сестра», осиротев после смерти матери, попадают в чужую семью и ведут себя по-разному: Маша остается справедливой, а Федя начинает угождать хозяевам, извлекая для себя выгоду. Постепенно любящие друг друга брат и сестра становятся чужими людьми.

BIC FC
BISAC FIC000000

БРАТ И СЕСТРА

Глава I СИРОТЫ

В один пасмурный октябрьский день около свежей, только что зарытой могилы на Смоленском кладбище стояло двое детей — мальчик и девочка. Девочка опустилась на колени и, припав лицом к земле, громко рыдала. Мальчик с каким-то не то страхом, не то недоумением оглядывался кругом, и крупные слезы медленно текли по его бледному личику. К детям быстрыми шагами подошел высокий, толстый господин и, положив руку на плечо мальчика, проговорил далеко не ласковым голосом:

— Ну, полно плакать, ведь слезами все равно не воскресите мертвой, надобно скорей ехать, поезд отъезжает через три четверти часа! Маша, вставай!

Он взял за руку мальчика и, не взглянув даже, следует ли за ним девочка, быстрыми шагами направился к выходу с кладбища. Маша поднялась с колен, простояла несколько секунд неподвижно перед могилой, как бы не имея сил оторваться от нее, и затем, заметив, что спутники ее уже далеко, побежала догонять их.

Мужчина усадил детей в карету, ожидавшую их у входа кладбища, и, приказав кучеру ехать как можно скорее, сам уселся подле них.

— Дядя, разве мы не заедем к нам на квартиру? — несмелым голосом спросила девочка.

— Конечно нет, — отвечал мужчина. — Ты думаешь, мне есть время возиться тут с вами! И так уж целую неделю прожил задаром в Петербурге! Что вам там делать на квартире? Все вещи убраны, чемоданы ваши сданы в багаж, а остальное я поручил продать.

После этих слов, произнесенных голосом, не выражавшим желания продолжать разговор, в карете воцарилось молчание. Лошади неслись быстро и скоро остановились у вокзала Николаевской железной дороги. До отхода поезда оставалось всего пять минут. Мужчина поспешно взял билеты, втолкнул детей в один из вагонов третьего класса, а сам направился ко второму классу. Дети уселись рядом в уголку. Поезд тронулся. Девочка огляделась: кругом все были люди незнакомые, занятые своими делами и не обращавшие на детей ни малейшего внимания.

— Как я рада, что он не сел с нами! — проговорила она со вздохом облегчения. — Он ужасно гадкий! Правда ведь, Федя?

— Хорошо еще, что он богатый! — отвечал мальчик. — Няня рассказывала, что у него есть свой большой дом и свои лошади. Ты думаешь, он мне позволит покататься на его лошадке, Маша?

— Не знаю; все равно он злой. Он не плакал о мамаше. Я его не люблю.

— Не говори так громко, Маша, — предостерег мальчик, робко озираясь кругом, — он, пожалуй, услышит и рассердится.

— Пусть себе сердится! — вскричала девочка. — Если бы мама знала, какой он, она не отдала бы нас ему!

Девочка закрыла лицо руками и заплакала.

— Маша, не плачь, милая, — проговорил мальчик, ласкаясь к сестре. — Ведь мама не велела нам плакать, ты помнишь? Разве ты хочешь не слушаться мамы?

Маша вытерла лицо и сделала над собой усилие, чтобы удержать слезы.

— Федя,— сказала она через несколько секунд молчания, взяв брата за руку,— а ты помнишь, что еще велела нам мама?

— Помню, — отвечал мальчик.— Она велела нам любить друг друга. Я тебя очень люблю, Маша.

— И я тебя тоже. Я тебя всегда любила, а теперь буду любить еще больше. Я ведь старше тебя, мне уже одиннадцать лет, а тебе еще нет десяти, я буду заботиться о тебе и никому не позволю обижать тебя, никому!

Мальчик положил голову на плечо сестры и прижался к ней, как бы отдаваясь под ее защиту, она же обняла его и посмотрела на него с видом нежного покровительства.

Маша и Федя Гурьевы лишились отца, когда были совсем крохотными детьми. До сих пор им ни разу не приходилось оплакивать эту потерю, благодаря нежной заботливости, с какой воспитывала их мать. Небольшое состояние, оставленное ей мужем, позволило Вере Ивановне Гурьевой окружить детей если не богатством, то полным довольствием и удовлетворять все их умеренные желания. Не зная нужды, всегда окруженные предусмотрительною, заботливою любовью матери, дети жили вполне счастливо, как вдруг их поразило совершенно неожиданное горе. В один холодный весенний день Вере Ивановне пришлось ехать по делам за город, она простудилась и заболела. Сначала болезнь не представляла ничего серьезного, так что она не обратила на нее внимания, продолжала выезжать и заниматься детьми как ни в чем не бывало. Это, конечно, усилило нездоровье, и, когда дней через десять она слегла в постель, приглашенный доктор прямо объявил, что болезнь очень серьезна. Дети сильно огорчились нездоровьем матери, ухаживали за ней насколько могли, старались как можно меньше беспокоить ее, но мысль об опасности во все не приходила им в голову. Через месяц Вере Ивановне сделалось, по-видимому, лучше. Она встала с постели и начала даже понемножку приниматься за хозяйство и за занятия

с детьми. Доктор советовал больной немедленно отправиться куда-нибудь на юг, но она и слышать об этом не хотела.

— Я теперь совсем здорова, только немножко слаба,— говорила она тихим, прерывающимся голосом,— вот перееду на дачу, так там поправлюсь.

Но дача принесла ей мало пользы. Летом она еще держалась кое-как на ногах, а в сентябре месяце окончательно слегла в постель. Чувствуя приближение смерти, она написала в Р* к брату своего мужа, единственному близкому родственнику детей, прося его приехать и принять участие в судьбе бедных сирот. Григорий Матвеевич отвечал, что не замедлит приехать, как только позволят дела, и приехал за два дня до смерти невестки. Тяжело было Вере Ивановне прощаться с жизнью, невыносимо тяжело расставаться с нежно любимыми детьми! Она почти не знала брата своего мужа, но с первого взгляда на его жесткое лицо, при первых звуках его грубого, резкого голоса она почувствовала, что он не в состоянии заменить отца сиротам.

— Будьте добры к ним,— умоляла она его, сжимая своими бледными, исхудавшими пальцами его широкую мускулистую руку. — У вас ведь есть свои дети... их отец был вашим братом... в память о нем не оставьте его сирот!

— Да полноте, что вы волнуетесь,— отвечал Григорий Матвеевич,— с чего вы умирать-то вздумали? Небось выздоровеете, сами их вырастите, ну, а коли что случится, конечно, ведь не злодей же я, не брошу их.

«Может быть, он добрее, чем кажется»,— со вздохом думала больная, и эта мысль уладила ей последние минуты жизни.

Во время своей болезни Вера Ивановна несколько раз принималась заговаривать с детьми о своей смерти и старалась приготовить их к разлуке.

— Скоро меня не станет, милые мои,— говорила она им,— вы останетесь на свете сиротами, без отца и без матери. Любите друг друга как можно сильнее, старайтесь во всем помо-

гать друг другу, поддерживать один другого... Маша, ты старше, заботься о брате, пока он маленький, а ты, Федя, будешь мужчиной, будешь сильнее сестры, ты и теперь благо-разумнее ее, защищай ее... не давайте друг друга в обиду злым людям.

— Мама, мама, не говори так,— рыдала Маша, прислонившись головой к подушке матери.— Ты не умрешь, а если ты умрешь, то и я умру с тобой.

— Зачем даваться в обиду,— рассуждал Федя в ответ на слова матери,— меня никто не обидит: я маленький, я никому не делаю зла.

Несмотря на то что в последние недели своей жизни Вера Ивановна не раз заводила с детьми подобные разговоры, смерть ее показалась им чем-то невероятным, неожиданным. Они со страхом поглядывали на бледный, холодный труп, лежавший на большом столе среди столовой, и не узнавали на безжизненном лице покойницы черт своей милой, дорогой матери. Все, что делалось вокруг них, казалось им каким-то тяжелым сном. Дядю они почти не видали; он заходил к ним на несколько минут, отдавал приказания прислуге и опять уходил, почти не обращая внимания на племянников. Накануне похорон он сказал им:

— Завтра я вернусь домой, и вы поедете со мной. Я велел горничной уложить ваши вещи; пожалуйста, не тащите с собой разной дряни, у меня и без вас много хламу в доме.

Детям хотелось узнать подробнее о том, куда именно и как они поедут, но дядя отвернулся и ушел прочь, не отвечая на их вопросы.

Мы видели, что и после похорон их матери он обращался с ними не более ласково, так что Маша имела право считать его недобрым и жалеть о том, что мать поручила ее и Федю именно ему.

Путешествие по железной дороге развлекало детей и заставляло их по временам забывать о своем горе. На станциях, где были большие остановки поезда, дядя подходил к ним,

проводил их в буфет, давал им есть и пить и затем снова усаживал их в вагон, не говоря с ними ничего, кроме самого необходимого. Когда настала ночь, детям стало страшно в плохо освещенном вагоне, сон клонил их, а между тем они не могли заснуть, сидя на жестких деревянных скамейках и слыша вокруг себя непрерывные разговоры соседей.

— Как здесь гадко, Маша, — жаловался Федя. — Я хочу спать, а мне не на что положить голову!

— Положи ее ко мне на плечо, голубчик, — предложила Маша, — может быть, так ты заснешь.

— А ты, Маша?

— Я все равно не буду спать. Мне так страшно и так грустно!

Федя положил голову на плечо сестры и скоро заснул крепким сном, но Маша не спала. Горькие, печальные мысли проносились в голове девочки. То вспоминалась ей счастливая жизнь с матерью, то думалось о той судьбе, какая ждет ее в доме сурового дяди. Маша знала, что у этого дяди была жена и дети, но не имела никакого понятия о том, каковы они.

«У такого злого человека и вся семья должна быть злая!» — говорила она сама себе. В памяти ее проносились все, когда-нибудь читанные ею сказки о злых тетках, преследовавших несчастных племянниц, и она дрожала при мысли о бедствиях, ожидавших ее и ее брата.

Весь следующий день дети провели в дороге и только поздно вечером приехали в Р*. Путешествие до того утомило их, что они оба едва держались на ногах, и Григорий Матвеевич принужден был за руку подвести их к карете, ожидавшей их у дебаркадера. Через четверть часа езды по отвратительной мостовой карета остановилась у подъезда небольшого двухэтажного каменного дома. Выбежавший слуга отворил дверцы экипажа, подобострастно приложился губами к руке Григория Матвеевича и помог ему вылезть из кареты, льстиво приговаривая: Слава тебе господи, наконец-то вы пожаловали, батюшка.